

DOI 10.15826/izv2.2017.19.2.028

УДК 821.161.1-312.6 + 82 + 94(470.54-25)

Л. А. Коваленко*Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия*

ОБРАЗ ЕКАТЕРИНБУРГА В СОВРЕМЕННОЙ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ УРАЛА

Статья посвящена изучению образа Свердловска-Екатеринбурга в современной автобиографической прозе Урала. На материале комплекса мемуарно-автобиографических текстов (воспоминаний, эссе, повестей и рассказов) представлена общая модель изображения города от топографической разметки до наполнения реально-историческим содержанием и конечной универсализации образа. В качестве основных способов репрезентации образа города отмечены такие формульные элементы, как фиксация значимых локусов, разворачивание панорамных изображений, прочерчивание маршрутов, введение архитектурных заметок и историй из городской повседневности. В ходе исследования автор приходит к следующим выводам: 1) на «литературные карты» автобиографов попадают как официально, так и неофициально признанные городские достопримечательности; 2) исторический материал, прошедший через фильтр личного сюжета, перерабатывается в лиризованные рассказы о городской повседневности разных лет; 3) авторские варианты образа Свердловска-Екатеринбурга базируются на закрепившихся представлениях о городе («дореволюционный Екатеринбург», «город-труженик», «город эвакуированных», «промышленный гигант» и т. д.); 4) обязательной компонентой автобиографических повествований оказывается авторская оценка жизненного пути и, как следствие, замена исторически конкретного образа Свердловска-Екатеринбурга мифологизированным, многократно переживаемым образом «города детства и юности».

К л ю ч е в ы е с л о в а: современная литература Урала; автобиографическое повествование; Свердловск-Екатеринбург; модель и способы изображения города.

В современной литературе Урала действует сложившаяся еще в XIX в. традиция автобиографического повествования. Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка, П. П. Бажова во многом предопределило интерес к «меморативному» письму, показателями которого современные исследователи считают: «1) установку на подлинность; 2) идентичность автора и повествователя или повествователя и главного героя; 3) индивидуальное восприятие (“авторскую субъективность”); 4) рассказ о собственном жизненном пути; 5) ретроспективность» [цит. по: Надольская, с. 339].

Образ Екатеринбурга, связанного с жизнью уральских классиков, закономерным образом попадал на страницы автобиографических произведений, оказываясь на втором плане, но плотно входя в жизнеописание и работая как один из инструментов авторской самоидентификации.

Материалом настоящего исследования стала группа разножанровых мемуарно-автобиографических текстов (воспоминания, эссе, повести, рассказы) живущих сейчас или живших в свое время в Свердловске-Екатеринбурге писателей, выбравших город объектом художественного осмысления. Описывая модель «изображения города как биографического пространства» [Литовская, с. 197], мы будем двигаться поступательно: от стадии «сжатого», «зыбкого», «фрагментируемого», «расчлененного» запечатления города [Трубина, с. 80] к стадии того «особого художественного пространства» [Лотман, с. 251], которое является не просто «фотографией», но автономной смысловой реальностью.

1. Екатеринбург как существующий в реальности топос

Для автобиографических текстов характерно использование двух типов пространственных моделей. Первая модель, «кольцеобразная» [Лотман, с. 267], разворачивающая фабулу «взросление», строится по принципу расширяющихся кругов: пространство самого раннего воспоминания (комната, дом) > двор > улица > район > город > другие города. Круги включены друг в друга и связаны между собой образом главного героя, который, взрослея, расширяет свой жизненный и городской кругозоры. Вторая пространственная модель выстраивается по принципу «белых пятен», когда автор наносит значимые точки на карту Свердловска-Екатеринбурга «спорадически», соотнося их не с логикой фабулы «взросления», но с логикой фабулы «жизни в городе вообще».

«Кольцеобразная» топография и топография «белых пятен» поддерживаются зонированием екатеринбургского пространства посредством оппозиций «внутреннее / внешнее», «близкое / отдаленное». В категорию «внутреннего» попадают дома главных героев, обозначенные с большей или меньшей точностью и заряженные родными, домашними смыслами: например, «старый дедушкин дом» автогероя Владимира Блинова на «милой, родной» улице Степана Разина [Блинов, с. 391] или дом Игоря Турбанова на «тихой и короткой, как само детство, улочке» [Турбанов, с. 144], и т. д.

В категорию семантически значимых попадают локусы, приближенные к домашним адресам: Дворец пионеров, Вознесенская горка, Зеленая Роща, Сад Вайнера, Царский мост, Ипатьевский дом. При этом большая часть локусов, обладающих в реальности статусом официально признанных достопримечательностей, в художественном пространстве незаметно лишается своей статусности: для автобиографов важна их символическая значимость в личной истории, те эмоции-впечатления (при этом не всегда положительные), которые они архивируют.

В категорию «отдаленных», находящихся на периферии кругов жизни, попадают разновеликие объекты, основная функция которых — организовать дальний «городской фон»: сюда может попасть и пригородная зона с «пустырями, горами навороченной глины, свалками» [Дробиз, с. 212], и районы «частной застройки на улице Папанина, Февральской революции», и обычный двор на Ленина, 5, казавшийся «опасным, иным миром» [Демидова, с. 98].

Немаловажную роль играют и городские пейзажи, напоминающие непрофессиональные, но точные архитектурные заметки, на которых соседствуют «дома сталинских времен» — места, «полные тайн и страшных историй» [Турбанов, с. 145], «не тронутые временем свердловские заводы-призраки» [Там же, с. 147], «парадные чиновничьи здания» [Там же, с. 148], «дворцовые усадьбы» [Цыганов, с. 29, 30], «провинциальная малоэтажная застройка» [Демидова, с. 95] и т. д.

В поле зрения автобиографических текстов нередко попадают другие города, «размыкающие» городские границы. Так, например, в воспоминаниях Софьи Демидовой «жаркий, светло-желтый» Ашхабад с «журчащими арыками», «бескрайними песчаными просторами» [Демидова, с. 81] вводится для означивания круга «своих» (близких и дальних родственников), а в конечном итоге воспринимается как антипод будничному, плотно застроенному, холодному Свердловску. Москва в повести Дробиза и цикле рассказов Блинова выступает как идеальный локус с «настоящими писателями, красной площадью, ракетами, самым большим зоопарком, метро» [Дробиз, с. 159, 161; Блинов, с. 343].

Таким образом, осознанно или неосознанно, на определенном этапе творческого процесса автобиографы смотрят на город предельно топографично: делают многочисленные пространственные отметки, «зонируют» городскую территорию и тем самым добиваются узнаваемости места. «Кольцеобразная» топография и топография «белых пятен» не замыкается на уровне города: упоминание других городов во многом расширяет топографию текстов и наполняет образ города новыми смыслами. При этом простого линейного картирования (перечисление локусов, протраивание маршрутов, введение образов других городов) недостаточно для автобиографических текстов: город «должен превратиться в место памяти, обрести конкретно-исторические качества, важные в контексте биографии» [Литовская, с. 198].

2. Город как реально-исторический топос

Сам жанр автобиографических текстов, наделенных «высокой долей авторской описательности» [Созина, с. 132], определяет их обращенность к историческому материалу. При этом история переносится в художественный мир не строго фактографически, но через фильтр личного сюжета и памяти, которая сначала скрупулезно «выбирает факты» [Клочкова, с. 143], а затем превращает историю в набор «событий разных лет» «вне какой-то стройной системы повествования» [Демидова, с. 87]. Попробуем собрать приметы города разных исторических промежутков в хронологически выстроенные картинки-описания.

Так, в цикле автобиографических рассказов и повестей «Монастырская роща» Владимира Блинова оказался запечатлен образ старого Екатеринбурга. В форме семейных преданий, исторических анекдотов героини-старожилы вспоминают о реке Монастырке, когда-то протекавшей на территории Новотихвинского женского монастыря, о Сенной площади, куда по воскресеньям

привозили свежую рыбу, об «обжорных рядах», знаменитых вкусной кашей и горячими пирожками.

Образ дореволюционного Екатеринбурга с Уктусской, Вознесенской, Спасской улицами, обустроенными на берегах Исети «баллюстрадами, павильонами, причалами для лодок и купальнями» [Цыганов, с. 29] оказался интересен и Владимиру Цыганову. Знаками дореволюционного города, по версии автора, можно считать «мощенные широкими каменными плитами дорожки» [Там же, с. 53], монастырскую башенку в Зеленой Роще, «чудом пережившую эпоху коммунистической религии» [Там же, с. 13], и постоянно напоминающий о себе дом Ипатьева.

Превращение уездного Екатеринбурга в индустриальный Свердловск, это «коренное изменение пространства человеческой жизни» [Клочкова, с. 126], пунктирно зафиксировано в цитируемом выше сборнике «Монастырская роща». Старожилы помнят о том, как в 1925 г. разбирали Екатерининскую церковь, в 1930 г. снимали колокола с Кафедрального собора, в 1934 г. запускали «завод заводов» Уралмаш и т. д.

Воспоминания о военном Свердловске, символами которого остались «бежевый квиток, разделенный на клеточки» [Блинов, с. 236] и «серая шинельная буденовка с красной лучистой звездой» [Там же, с. 349], носят более развернутый характер. Война в понимании «городского мальчика» со Степана Разина — это прощание с «языковой колбасой», «складчатыми французскими сайками» и прогулками с мамой и папой на «исетскую бело-голубую лодочную станцию» [Там же, с. 275]. На «картинах горькой военной поры» Владимира Блинова — «черные ночи затемненного города и манатки эвакуированных, молчаливые злые очереди у магазинов и грозные сводки Совинфмормбюро» [Там же, с. 236].

Для автобиографического героя Германа Дробиза война стала моментом, разделившим время на довоенное — «волшебное», когда «еду в магазинах покупали просто так, а не по карточкам», «дров для печи можно было разом запасти на всю зиму» [Дробиз, с. 98], и военное — сложное, мрачное, связанное с лишениями и тревогой: «Мужья на фронте, несколько жен, получив похоронки, уже стали вдовами... Любое житейское несогласие выросло до ссоры, взаимных оскорблений, а то и до драки... Боялись воров, зловещей “Черной кошки”» [Там же, с. 102, 103].

Но и в военном городе продолжалась «детская» жизнь: мальчишки гоняли по дворам «плоские железные колесца с зубчиками по внутреннему кругу» (тормозные диски «тридцатьчетверки»), играли в партизан, охраняли с игрушечными пистолетами и самодельными арбалетами картошку, а увидев самолет, кричали: «Эроплан, эроплан, забери меня в карман» [Блинов, с. 276; Дробиз, с. 181].

День победы и праздничный салют, «прогремевший над Исетью», полностью поменяют жизнь: «И уже на следующий мирный день сторож в парке смазывал скрипучую карусель, отмывал вехоткой деревянных лошадок, уже красили тетки известкой деревья и статуи. Гуляли по аллеям курсанты школы ВВС с десятиклассницами из 13-й школы...» [Блинов, с. 347].

Атмосфера послевоенного города достаточно объемно передается в опубликованных на страницах журнала «Урал» воспоминаниях Софьи Демидовой. Непрофессиональный дискурс о свердловском детстве оказался заполнен воспоминаниями-впечатлениями о дворовых играх в «казаков-разбойников», «чику», «городки», «лапту», «штандер», «серсо», «классы»; досуг организовывался посещением катка «Динамо», кинотеатров «Совкино», «Октябрь», «МЮД».

Мир взрослых в сознании героини — это ответственная работа папы в «Главуралэнерго», мамины хлопоты по обустройству быта, «многочасовые очереди за мукой или за сахаром»; кроме того, это пользующиеся популярностью «Подписные издания» — «неформальное место общения людей, давно и хорошо знающих друг друга» [Демидова, с. 101]; коллекционирование каслинского литья, грампластинок и «массовки» на Исетском озере.

В памяти девочки, жившей в центре города, сохранился смешанный характер застройки Свердловска, в котором ведомственные здания — «“знаковые” жилые комплексы, отмеченные печатью конструктивизма и постконструктивизма» [Демидова, с. 95], — соседствовали с «маленькими деревянными частными домиками и бараками», где еще «держали скотину и птицу, разводили огороды, топили печи» [Там же, с. 91].

Автобиографический герой Германа Дробиза с Вознесенской горки жил в одном из таких «скромных» особняков с крылечками и хорошо знал другие бараки с завалинками и низкие флигеля с множеством подслеповатых окошек со своей улицы. Он помнил свой «похожий на все другие» двор, в котором «в палисаднике цвела акация», «на веревках сохло белье», стоял столик для игры в домино, а самым «привлекательным местом во всем дворе» была крыша [Дробиз, с. 168, 180].

Герой Владимира Блинова с улицы Степана Разина встретил 1950-е гг. в статусе пионера-подростка, который участвовал в демонстрациях и слетах, строил шалаши и балаганы во дворе, разучивал школьные песни «По долинам и по взгорьям», «У дороги чибис» и «Летят перелетные птицы».

1960-е гг. в истории города были восприняты вышеупомянутыми автобиографами уже в другом ключе. Мальчик Германа Дробиза с грустью смотрел на почти уничтоженный «Сад строителей» и построенное на его месте здание типографии. Наводил тоску и нынешний облик его любимой улицы: «Ее проезжую часть расширили, подрезав тротуары, брусчатку закатали асфальтом...» [Дробиз, с. 242]. В этом новом Свердловске становилось «заметно многолюднее», воздух и пространство словно исчезали, «год от года густел автомобильный поток» [Там же, с. 242].

Напротив, юному шестнадцатилетнему герою Владимира Цыганова, который только прибыл в столицу Урала из Сибири, Свердловск 1960-х гг. казался «магически-прекрасным», «притягивающим неизъяснимо-печальной прелестью», «гигантским и удивительным» [Цыганов, с. 29]. Такое впечатление вызвала и привокзальная площадь, и улица Свердлова, «застроенная новенькими пятиэтажными домами с башенками и балкончиками, показавшимися творением

великого зодчего» [Цыганов, с. 24], и улица Чапаева со старыми усадьбами-дворцами, на «свидания» с которыми герой будет ходить в течение всей жизни.

1970-е гг. для героя Цыганова — это время его полной включенности в студенческую городскую жизнь, заполненную субботниками, участием в стройотрядах и «грандиозными праздничными» демонстрациями, когда с трибун кричали «Да здравствует советское студенчество!», «Да здравствует наша молодежь!» [Там же, с. 171]. Местными символами эпохи виделась «энергичная фигура» Якова Свердлова, «шагнувшего в большевистское завтра» [Там же, с. 46], и многочисленные городские стройки (реконструкции района улицы Metallургов на ВИЗе, возведение ДК Уралмаш, строительство Дворца молодежи и т. д.).

И вновь не все автобиографы восприняли 1970–1980-е гг. так жизнеутверждающе. «Прекрасный Свердловск» Германа Дробиза и Владимира Блинова окончательно превращался в город многоэтажек, а поглощенными разрастающейся стройкой оказывались самые любимые места. Родной Свердловск постепенно исчезал в потоке времени, а главные герои чувствовали себя, с одной стороны, чужаками, с другой — предателями, переехавшими из своих старых домов в «районы новой массовой застройки» с «квартирами, неотличимыми от двух сотен других жилых ячеек» [Дробиз, с. 243].

Город 1990-х гг. фрагментарно запечатлен в «записках» Владимира Цыганова, в памяти которого центр «проклятого» мегаполиса представлял собой «азиатскую» торговую площадку, возглавляемую лицами эпохи — «бандитами-мафиози», «банкирами из бывших коммунистических секретарей», южанами на «мерседесах» и «БМВ» [Цыганов, с. 16]. По городу 1990-х гг. нельзя просто прогуливаться, но только «нудно тащиться»; невозможно слышать волшебную музыку молодости, но лишь «нетерпеливые сигналы водителей»; не получается легко дышать, но можно только постоянно «задышаться от выхлопных газов» [Там же, с. 143].

Образ Екатеринбурга 2000-х гг., мелькающий в эссе Игоря Турбанова, также оказался заряжен негативными коннотациями: в «городе будущего» не остается «ничего того, за что цепляется память бывалого горожанина и старомодного пешехода» [Турбанов, с. 144]; знаками исчезающего города можно считать только «застывшие во времени» заброшенные парки, «вроде парка Вайнера или того, безымянного, что меж Вечным огнем, постройками медицинского профиля и Виз-бульваром» [Там же, с. 145].

В таком историческом варианте моделирования образа Екатеринбурга фиксируется реальная городская действительность разных лет. Способами представления образа города становятся более или менее развернутые архитектурные комментарии и истории из городской повседневности. Закрепившийся в общей памяти, образ города явлен через систему устойчивых представлений: «старый город», «дореволюционный Екатеринбург», «город-труженик», «город эвакуированных», «промышленный гигант», «современный мегаполис» и т. д. «Не желающие чувствовать себя туристами в родном городе» [Цыганов, с. 13], автобиографы наполняют узнаваемый, во многом типологизированный образ

Свердловска-Екатеринбурга «личным материалом» и таким образом уходят от унифицированного образа города. Лиризация городской повседневности превращает «каталожные» исторические зарисовки в человеческие истории.

3. Город как символический универсум

Пребывая в ностальгическом состоянии, автобиографы нередко пытаются устраниться от событийности, чтобы дать себе время на рефлексию и оценку прошлого. Тогда повествование начинает «буксовать», неся «внутри себя невысказанное авторское желание остановить время» [Созина, с. 133], а в текстах появляются отступления медитативного плана, написанные от первого лица и актуализирующие внимание на сравнении «тогда» и «теперь»: «...вот она, наша старая милая улица Стеньки Разина! Когда, свернув за угол, я ступил на ее тротуар, верите ли, чуть не заплакал. Хотя узнать ее, прежнюю, теперь нелегко: новые панельные дома, асфальт» [Блинов, с. 391].

При этом печальные картины настоящего не становятся ключевыми в личных историях: ностальгирующие автобиографы упрямо «воздвигают исчезнувшие стены», чтобы оказаться на том «живом островке» «старого, домовитого, просторного и прогулочного» Екатеринбургa, в котором сохранилась «тихая и короткая, как само детство, улочка» / дом / двор.

И если в реальности заветное место оказывается «поглощенный разраставшейся стройкой», «стертым с лица земли», «изменившимся до неузнаваемости», то идеально-отвлеченное «пространство, казалось бы, навсегда погибшего детства» [Дробиз, с. 241, 247] неизменно. Только в этом символическом универсуме по-прежнему есть «танцплощадка, где ухает оркестр и кружатся парочки» [Там же, с. 243], стоят «гипсовые олени и мальчик с горном» [Блинов, с. 348], сохранен «заповедный городской уголок» с Вознесенской церковью, Харитоновской усадьбой и Ипатьевским домом «на откосе» [Демидова, с. 82].

В таком двунаправленном процессе «мемориализации» одной информации и «забвения» другой [Васильев, с. 37] топография города превращается в топографию воспоминаний, а узнаваемый Свердловск-Екатеринбург замещается мифологизированным, многократно переживаемым образом «города детства и юности», «города, о котором вспоминают», — по сути, неким «общим местом», настолько идентичными оказываются и образы героев, и сам характер их воспоминаний [Литовская, с. 199].

Итак, занимаясь реконструкцией собственной истории, автобиографы настойчиво проговаривают отношения с окружающей действительностью и восстанавливают декорации, на фоне которых разворачивались важнейшие события. Включая в тексты многочисленные подробности о топографии, архитектуре и повседневности Свердловска-Екатеринбурга, авторы, с одной стороны, создают иллюзию виртуального присутствия в прошлом (для чего используют такие формульные элементы, как фиксация значимых локусов, разворачивание панорамных изображений, прочерчивание маршрутов, введение архитектурных

заметок, историй из городской повседневности). С другой — «летописцы» пытаются сформулировать оценку пережитого, сделать картину прошлого завершенной, для чего помещают образ города «в раму вечно проходящего, но никогда не уходящего времени детства, в которое упоенно вглядывается он [автор] сам сегодняшний» [Созина, с. 133].

Блинов В. А. Монастырская роща : повести и рассказы. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2003.

Васильев А. Г. Культурная память / забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке / Новый ин-т культурологии ; отв. ред. Н. А. Кочеляева. М. : Совпадение, 2015. С. 29–58.

Демидова С. Детство в Свердловске: воспоминания // Урал. 2011. № 6. С. 72–106.

Дробиз Г. Свидетель: повести и рассказы. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2003. С. 98–256.

Клочкова Ю. В. Образ Екатеринбурга / Свердловска в русской литературе (XVIII – середина XX вв.) : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006.

Литовская М. А. Тема города как самооправдания биографического автора в современной прозе Урала // Литература Урала: История и современность : сб. ст. Вып. 4 : Локальные тексты и типы региональных нарративов / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург : УрО РАН : Объединенный музей писателей Урала : АМБ, 2008. С. 196–203.

Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М. : Просвещение, 1988. С. 251–292.

Надольская А. А. Автобиографическое начало в женской прозе Урала: история и современность // Литература Урала: История и современность : сб. ст. Вып. 2 / отв. ред. Е. К. Созина. Екатеринбург : УрО РАН : Объединенный музей писателей Урала : АМБ, 2006. С. 338–346.

Созина Е. К. Автобиографическая проза Д. Н. Мамина-Сибиряка (некоторые заметки) // Лицо и стиль : сб. науч. ст., посвящ. юбилею проф. В. В. Эйдиновой. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 131–142.

Трубина Е. «Видимое и невидимое» в повседневности городов. Визуальная антропология: городские карты памяти. М. : Вариант : ЦСПГИ, 2009.

Турбанов И. Екатеринбург: пять бликов // Урал. 2010. № 4. С. 144–149.

Цыганов В. Мой Екатеринбург: Записки еще не старого жителя. Екатеринбург : Банк культурной информации, 1999.

Статья поступила в редакцию 10.01.2017

Коваленко Лидия Анатольевна

аспирант кафедры русской литературы
XX–XXI вв.
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: Lidia_kovalenko@inbox.ru

Kovalenko, Lydia Anatolyevna

PhD Student, Chair of the Russian
Literature of the 20th and 21st Centuries
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg,
Russia
Email: Lidia_kovalenko@inbox.ru

THE IMAGE OF YEKATERINBURG IN THE CONTEMPORARY AUTOBIOGRAPHICAL PROSE OF THE URALS

This article explores the image of Sverdlovsk / Yekaterinburg as presented in the contemporary autobiographical prose of the Urals. Referring to a number of memoir and autobiographic texts (memoirs, essays, stories, and short stories), the author illustrates the image of the city in several stages — from drawing of “a topographic layout” to filling it with realistic historical content and the ultimate universalisation of the image. According to the author, there are a number of means to represent the image of the city, namely, marking the important loci, the creation of panoramic images, the drawing of routes, and the introduction of architectural comments and stories of the city’s everyday life — such “formula units” are viewed as the main techniques for representing the image of the city. The author concludes that: 1) both formally and informally recognised landmarks can be found on the “literary maps” drawn by autobiographers; 2) historical material that passes through the filter of a personal story is transformed into lyrical narratives of the city’s everyday life in different years; 3) the authors use variations of the image of Sverdlovsk / Yekaterinburg that are based on established ideas of the city (“Yekaterinburg before the revolution of 1917”, “a hardworking city”, “an industrial giant”, etc.); 4) the authors present a view of their life journey and therefore replace the historically true picture with a mythological tale of “the city of the author’s childhood and adolescence” as they experienced it over and over again in the old days — this approach is seen as a mandatory component of the autobiographical narratives in question.

Key words: contemporary literature in the Urals; autobiographical narrative; Sverdlovsk / Yekaterinburg; model and methods of city representation.

Blinov, V. A. (2003). *Monastyrskaja roshha: povesti i rasskazy* [Monastery Grove: Stories and Short Stories]. Yekaterinburg: Bank kul’turnoj informacii. (In Russian)

Demidova, S. (2011). *Detstvo v Sverdlovskje: vospominanija* [A Childhood in Sverdlovsk: Memoirs]. *Ural*, 6, 72–106. (In Russian)

Drobiz, G. (2003). *Svidetel’: povesti i rasskazy* [A Witness: Stories and Short Stories]. Yekaterinburg: Bank kul’turnoj informacii. (In Russian)

Klochkova, J. V. (2006). *Obraz Ekaterinburga / Sverdlovskaja v russkoj literature (XVIII — seredina XX vv.)* [The Image of Yekaterinburg / Sverdlovsk in Russian Literature (18th – mid-20th Centuries)] (doctoral dissertation). Yekaterinburg. (In Russian)

Litovskaya, M. A. (2008). *Tema goroda kak samoopravdanija biograficheskogo avtora v sovremennoj proze Urala* [The Theme of a City as Self-justification of a Biographical Author in the Contemporary Prose in the Urals]. In *Literatura Urala: istorija i sovremennost’* [The Literature of the Urals: History and Modernity] (Iss. 4, pp. 196–203). Yekaterinburg: UrO RAN; Ob”edinennyj muzej pisatelei Urala; AMB. (In Russian)

Lotman, Yu. M. (1988). *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol* [At the School of Poetry: Pushkin. Lermontov. Gogol]. Moscow: Prosveshchenije. (In Russian)

Nadolskaja, A. A. (2006). *Avtobiograficheskoe nachalo v zhenskoi proze Urala: istorija i sovremennost’* [The Autobiographical Essence of the Women’s Prose of the Urals: History and Modernity]. In E. K. Sozina (Ed.), *Literatura Urala: istorija i sovremennost’* [The Literature of the Urals: History and Modernity] (Iss. 2, pp. 338–346). Yekaterinburg: UrO RAN; Ob”edinennyj muzej pisatelei Urala; AMB. (In Russian)

Sozina, E. K. (2009). *Avtobiograficheskaja proza D. N. Mamina-Sibirjaka (nekotorye zametki)* [Autobiographical Prose by D. N. Mamin-Sibirjak (Some Notes)]. In *Litso i stil’* [The Face and

the Style: A Compilation of Research Articles for the Birthday of Professor V. V. Eydinova] (pp. 131–142). Yekaterinburg. (In Russian)

Trubina, E. (2009). “*Vidimoe i nevidimoe*” v *povsednevnosti gorodov*. *Vizual'naja antropologija: gorodskie karty pamiati* [“The Visible and the Invisible” in the Daily Life of Cities. A Visual Anthropology: Urban Memory Maps]. Moscow: Variant: TsSPGI [Centre for Social Policy and Gender Studies]. (In Russian)

Tsyganov, V. (1999). *Moy Ekaterinburg: Zapiski eshhe ne starogo zhitelia* [My Yekaterinburg: Notes by a Citizen who Is not yet so Old]. Yekaterinburg: Bank kul'turnoj informacii. (In Russian)

Turbanov, I. (2010). Ekaterinburg: *piat' blikov* [Yekaterinburg: Five Highlights]. *Ural*, 4, 144–149. (In Russian)

Vasilyev, A. G. (2015). Kul'turnaja pamyat' / zabvenije i nacional'naja identichnost': teoreticheskije osnovanija analiza [Cultural Memory / Oblivion and National Identity: Theoretical Basis for Analysis]. In N. A. Kocheliaeva (Ed.), *Kul'turnaja pamiat' v kontekste formirovanija nacional'noj identichnosti Rossii v XXI v.* [Cultural Memory in the Context of Russia's National Identity Development in the 21st Century] (pp. 29–58). Moscow: Sovpadenije. (In Russian)

Received on 10 January, 2017